

Колокол. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Колокол. Максим Горький

Церковь Трёх святителей стояла на горе, а по склону горы раскинулся маленький уездный городок; он сползал к её подошве, омываемой речкой, и с церковной колокольни был виден весь до последней лачужки.

Маленький, утопавший в зелени город, при взгляде на него сверху, производил странное впечатление: казалось, что некогда он стоял на вершине горы и чьей-то силой был сброшен вниз с неё.

Смятённая толпа однообразных домиков ринулась под гору и остановилась в хаотическом беспорядке, удержанная и разъединённая деревьями и кустами, покрывавшими гору весёлой, живой массой.

И вот на пышном ярко-зелёном фоне тут и там сквозят тёмные пятна крыш и стен. В центре их стройно вздымается кверху колокольня другой городской церкви; металлический крест её, отражая лучи солнца, сияет над пленённым городом, как маяк, указывающий его жителям пункт, к которому они должны стремиться.

Эта колокольня и ещё пожарная каланча – две высшие точки в море зелени, а над ними высоко на горе, в густой чаще лип, стоит Трёхсвятская церковь – белая, яркая, с золотыми главами. Она построена уже давно каким-то богачом-помещиком, выбравшим местом для неё старый парк на краю горы. С трёх сторон её окружают могучие старые липы, осеняя своими пахучими ветвями её стены; с четвёртой, к городу, липы срублены. Церковная паперть гостеприимно смотрит на город, и кажется, что лес расступился пред ней для того, чтобы не препятствовать людям издали видеть тяжёлую дверь в дом божий.

Лет пять тому назад её ремонтировал заново первый городской богач – купец Антип Никитич Прахов. Он расширил её, вызолотил иконостасы и главы, возвысил колокольню и пожертвовал колокол – очень большой, в шестьсот с лишком пудов. Такого колокола ещё не было в городе.

Когда его поднимали на колокольню, это стоило больших хлопот жертвователю и немало труда горожанам – колокол шёл очень тяжело – «нехотя», как говорили в городе.

Народ выбивался из сил, поднимая его, он то задевал за карнизы здания, то верёвки путались и рвались... В толпе людей, уставших трудиться в жаркий летний день, то и дело слышались возгласы:

– Ещё бы он легко пошёл! Надо помнить, кем и на какие деньги он слит...

И, говоря так, горожане искоса поглядывали на суетившегося среди них Прахова. А он, возбуждённый и энергичный, властно и ласково покрикивал на них:

– Ну-ну, ребятушки, дружно-о! Дружнее бери, православные! Для господ бога трудитесь.

Охая и ухая, с напряжёнными, потными лицами, горожане тянули верёвки и вполголоса говорили друг другу:

– Для бога, как же! Рассказывай! Знаешь ты, живодер, бога. Для похвальбы, скажи...

– Бери-и! – возбуждённо кричал Прахов, сам хватаясь за верёвку.

Это был человек лет пятидесяти, высокий, плотный, с чёрными волосами, уже густо посребрёнными сединой, с большими умными глазами, смотревшими на всё из-под густых бровей сухо и иронически недоверчиво. Его крупный, горбатый нос придавал широкому лицу в густой чёрной бороде выражение хищности и силы; высокий морщинистый лоб, властный громкий голос, уверенные жесты – всё это сразу же заставляло чувствовать в Прахове натуру, непреклонно гордую, цельную и незнакомую с мучительными колебаниями духа, с угрызениями совести.

Его, как человека очень богатого и чёрствого, никто не любил в городе, но он был

Колокол. Максим Горький gorkiymaxim.ru
силён своим богатством и характером, и все боялись его, что ещё более усиливало нелюбовь к нему.

И хотя, поднимая колокол, о Прахове говорили много нелестного, но громко раздавались только такие речи:

– Дай, господи, здоровья Антипу Никитичу, – радеет он у нас о храме божем!

Но Прахов был слишком умён для того, чтобы верить в искренность таких речей; он оставался равнодушен к похвалам и не сердился на порицание. Только когда колокол был уже поднят и укреплен, Прахов услышал нечто, сильно встревожившее его тогда.

Кто-то из горожан, присевших отдохнуть на церковной паперти, не замечая, что Антип Никитич стоит неподалёку, задумчиво и как-то особенно серьёзно сказал:

– А должен бы этот самый колокол треснуть...

Прахов нахмурил брови, потом усмехнулся себе в бороду и молча ушёл домой.

В день успения пресвятой богородицы колокол ударил первый раз к ранней обедне. Антип Никитич, замирая от тревожного желания услышать его звук, сам трепетными руками раскачал язык, и, когда густой, певучий удар, сотрясая воздух, поплыл над городом за реку, в луга, – у Прахова замерло сердце и подогнулись колени от гордости и восторга. Могучий, удовлетворённый, он стоял на колокольне, широко расставив ноги, и, раскачивая язык по локоть засученными мускулистыми руками, бил тяжёлым железом звонкую медь, – бил, пьянея от удовольствия, яростно ударяя языком, весь в поту, дрожащий, сверкая глазами.

И могучие звуки благовеста плыли в свежем воздухе летнего утра, плыли, далеко разнося свой призыв.

А когда благовест был кончен, Прахов сел на перила в прорезе колокольни и, чувствуя, что внутри его всё ещё звучат плавные медные удары, стал, тяжело дыша, смотреть вниз на город, только что обрызнутый первыми лучами солнца.

Он видел, как по улицам шли люди и смотрели вверх на гору и на колокольню, где сидел он. Их голосов ему, конечно, не было слышно, но иногда они указывали вверх руками, и ему было приятно видеть это.

А ещё приятнее для него было то, что все эти люди, внизу, были такие маленькие, жалкенькие, подленькие. Он довольно улыбался, сознавая, что каждому из них было бы так же, как и ему, приятно звонить в свой колокол, находясь высоко над землёй, в свежем утреннем воздухе – выше всех. Только он один во всём городе имеет право на это наслаждение. Теперь весь город будет говорить о колоколе и о Прахове.

Вспомнят, конечно, все грехи купца.

Пускай! У него есть свой колокол, который гудит громче всех людских речей, – гудит, призывая людей к службе божией в храм его... А их речи – что ему их речи?

«Не судите, да не судимы будете». «Кто из вас безгрешен – пусть первый возьмёт камень...» Они все там, внизу, считают себя безгрешными, все швыряют в него грязью разных сплетен... Что толкает их на это, как не зависть к его достатку, к его умению с пользой трудиться?

И с той поры, как он поднял колокол, он стал ещё более горд, жесток и насмешливо недоверчив в отношениях к людям.

«Погодите! – думал он про себя, сухо улыбаясь. – Вот скоро выборы, посмотрим, кто будет городским головой!»

Он знал, что выберут его. Иначе невозможно, потому что большая часть людей, имеющих влияние в городе, стоит на его стороне. Тот ему должен, этот от него кормится, третий желает заручиться его дружбой, – все они уступят ему первое место в городе, потому что для них выгоднее уступить, чем самим занять это место. Найдутся упрямые люди, которые положат ему в урну и чёрных, но их мало.

Колокол. Максим Горький gorkiytext.ru

Он будет головой, будет. Весь город попадёт ему в руки, и захочет Антип Никитич Прахов, – будет жать из города все его соки досуха; он будет делать это умненько, и никто не помешает ему. А может быть, он захочет быть добрым и славным человеком, – тогда он всё своё состояние вложит в дело благоустройства города.

Настроит богаделен, ещё церковь выстроит, замостит и выровняет улицы. Всё в его воле, потому что он богат. Деньги – это сила, сильнее которой только один господь бог на небе. Но бог милостив к нему; жизнь его вся сплошной труд и вся полна удач.

Часто Антип Никитич задумывался, вспоминая, сколько людей на его глазах плакало, жаловалось и ругало его. Многие, по его милости, испытали и испытывают нужду и горе, разоряясь под давлением его капитала. И, когда он вспоминал это, – сердце ему неприятно щипало какое-то едкое чувство. Но вскоре он бодро встряхивал своей большой головой и вполголоса говорил:

– Бог того хочет, видно. Али я виноват в том, что удачливый родился? живёшь на земле, так не моргай. Я тут ни при чём. Бог того хочет...

И он снова принимался за свои операции, всё расширяя их круг. Он скупал, перекупал, продавал; его руки, как сеть железная, покрыли весь уезд. Он знал его, как свой карман.

Так вот он и жил, всё шире развёртывая свои желания, всё более желая сосредоточить в своих руках силы – денег.

...Пять лет все двенадцатые праздники и все воскресные обеды Антип Никитич сам звонил в свой колокол и наслаждался его звуками.

Наступала пасха. В этом году она была поздняя: уже все деревья распустились, а липы, окружавшие нагорную церковь, готовы были зацвести и струили тонкий аромат. Земля дышала сочной влагой, и город весь утопал в молодой, светлой зелени. Речка ещё не вошла в берега, но уже в лугах образовались зелёные острова. На страстной Антип Никитич говел. Строго относясь к этому обряду, причастившись святых тайн, он только выпил чаю с просфорой и – как всегда это делал – решил до утра не есть ничего. Весь день он провозился дома, готовясь встретить праздник, как подобает христианину и видному лицу в городе. К вечеру лёг отдохнуть, приказав жене разбудить его в десять часов, чтобы отправиться в церковь и хорошенько посмотреть, всё ли там в порядке. Прахов любил блеснуть перед прихожанами красотой и богатством своей церкви: он с утра велел убрать её с внутренней и наружной стороны зеленью, накупил массу разноцветных шкаликов и фонарей и подрядил плотников сделать побольше «фигур» – звёзд, крестов, сияний...

В одиннадцатом часу он был уже в церкви и, обойдя её кругом, нашёл, что всё сделано прекрасно. Это настроило его на благодушный, общительный лад.

– Всё в порядке, Лука? – спросил он у церковного прислужника, угрюмого старика-солдата, возившегося около паникадила, стоя на высокой лестнице. Лука, редко говоривший что-либо утвердительно и обыкновенно долго думавший, прежде чем сказать своё слово, посмотрел с лестницы вниз, держа в руках зажжённую восковую свечу, и хмуро ответил:

– Кажись, всё бы.

– А ты воском-то на меня не капай!

– Али я капаю?.. – равнодушно молвил Лука.

– А для чего же я говорил бы? Видишь – на рукав попало...

– Ишь ты... Только мне отсюда не видать.

– Слезь да погляди... – улыбнулся Антип Никитич, считавший Луку человеком придурковатым.

– А... пожалуй, слезу.

– Ну-ну, чучело! Делай дело-то. Доделывай, – проворчал Прахов, отходя от лестницы.

В церкви было сумрачно и жутко. Кое-где горели лампы; от их дрожащих огоньков по стенам, по полу и образам бегали тени. Пахло свежей зеленью, ладаном и горелым льном светилен.

Выпуклости иконостаса блестели в сумраке, как чьи-то большие тусклые глаза, и тёмные лики икон в металле риз смотрели сумрачно и важно. Каждый шаг будил гулкое эхо, и всё в храме было таинственно, казалось сосредоточенным на одной думе, охватывавшей собою каждую деталь. И чуткая тишина точно ждала чего-то. Пророк Исайя смотрел с левого клироса огненными глазами; лицо его было строго вдохновенно, и что-то карающее скрывалось в глубоких морщинах его выпуклого лба. А на правом клиросе Иеремия сидел на камне, измождённый, задумчивый и скорбный; он смотрел на церковного старосту печальными глазами, наклонившись вперёд, и точно хотел сказать что-то трогательное и простое.

Прахов вздохнул и перекрестился. Потом он вспомнил, как ездил заказывать иконы и как торговался с мастером за пророков на боковые двери в алтарь. Мастер всё просил триста. И Антипу Никитичу еле-еле удалось выторговать на пророках сорок рублей. Евангелисты поменьше и гораздо худшей работы и то стоили почти четыреста рублей.

Полумрак и мертвенная тишь храма тяготили Антипа Никитича; он посмотрел на часы: было двадцать минут двенадцатого. Но ему хотелось уйти на воздух.

– Лука! Коли кто спросит меня, скажи, что он, мол, на колокольню полез! – кинул он старику и пошёл из церкви.

– Я скажу, – внятно прозвучал вслед ему ровный голос Луки и расплылся по церкви в гулкий, продолжительный звук, от которого Прахову стало жутко...

– Экий несуразный этот солдат. Сменить его надо... – недовольно сказал он, поднимаясь на колокольню.

...Ночь была темна и торжественно тиха.

Луна зашла, и в тёмном мягком небе задумчиво сияли лучи звёзд. Вдали над лучами медленно, чуть заметно поднималась вверх, гася звезды на пути своём, пышная, чёрная туча, и край её точно дымился густым опаловым дымом. Ветви деревьев над городом тоже казались тёмным облаком; кое-где в нём сквозили полосы огня, вырывавшиеся из окон домов. По белому фону стен церкви там, в городе, двигались какие-то чёрные пятна.

«Это мальчишки готовят иллюминацию...» – подумал Антип Никитич и, вынув часы, наклонился к фонарю, стоявшему на балюстраде в прорезе колокольни. Было уже без десяти минут двенадцать.

Это обеспокоило Прахова, и он, тревожно нахмутив брови, бросил взгляд на городскую церковь. Ему было бы обидно, если б там ударили к заутрене прежде его: он уже пять раз кряду первый возвещал сбор к пасхальной заутрене могучим ударом в свой колокол. Он сбросил с себя поддёвку и, засучивая рукава рубахи, гулко крикнул вниз:

– Ребятишки! Зажигай иллюминацию!

Потом он, поплевав на руки, встал под колокол, и одной рукой потихоньку раскачивая язык, другой взял часы и стал наблюдать за движением минутной стрелки, искоса поглядывая на городскую колокольню, по стенам которой уже вспыхивали фонарики, образуя из себя огненные изображения звёзд и крестов. К нему вбежали трое мальчишек с зажжёнными фонарями и тоже начали, оживлённо перетаптываясь, зажигать стаканчики на деревянных крестах, вставленных в окна колокольни.

Было без трёх минут двенадцать. Антип Никитич решил ударить, быстро сунул часы в карман жилета, перекрестился и толкнул язык вправо, поймал его обеими руками и с замиранием сердца толкнул сильнее, ещё сильнее...

Колокол. Максим Горький gorkiytext.ru

...Густой, торжественный медный звук поплыл с колокольни на город, и, оглушённый, опьянённый его силой, Прахов, улыбаясь и зажмурив от удовольствия глаза, раскрыл рот и стоял, глубоко дыша, точно желая вместе с воздухом ещё впитать в себя гул меди, содрогавшейся над его головой от нанесённого им удара. И там, внизу, ударили в колокол.

– Эхма! – с сожалением вздохнул Антип Никитич, слушая, как печально и слабо вибрирует звук трёхсотпудового городского колокола. И он ударил ещё раз, ударил и снова ждал ответа.

Два колокола точно разговаривали между собой монотонными, но полными разной силы и значения гулками голосами.

Колокол Прахова звучал густо и важно; каждый удар его с силой сотрясал воздух, и звон властно тек вниз широкой, могучей волной. В ответ ему раздавался более тонкий и более вибрирующий звук, он плыл в воздухе не так долго, как первый... и что-то стонущее, подавленное было в нём.

Антип Никитич, улыбаясь, пьяный от сотрясавшего нервы гула меди, всё с большей силой бросал язык о края колокола, всё чаще и чаще ударял его. Он желал бы совершенно заглушить колокол городской церкви, хотя и теперь удары снизу долетали до его ушей слабыми, как воздух.

Прахову стало жарко. Широко расставив ноги и утвердив на них свой сильный корпус, ещё не потерявший гибкость молодости, он во всю силу свою бросал железо в медь и вместе со звуком её вполголоса восклицал:

– Э-эх!

В глазах у него всё качалось, и огни на колокольне внизу прыгали вместе с ней то вправо, то влево. Ему казалось, что пол под ним тоже ходит из стороны в сторону и сама колокольня, вместе с языком колокола, раскачивается в воздухе.

Звон гудел торжественно и важно; всё сотрясалось, и Антип Никитич чувствовал себя блаженно летающим в воздухе...

Но вот ещё удар, – и колокол его как-то странно брякнул. Прахов приписал это слабости удара и со всей своей силой бросил язык в стенку колокола. Тогда родился странный, болезненный, дребезжащий звук. Он был так краток, жалок, раздался и умер, сразу же и погас, но уже не тек ровной волной туда, вниз, где по прежнему взывал и рыдал к небу маленький, бедно вибрирующий колокол.

На Антипа Никитича откуда-то пахнуло холодом, и он замер, выпустив из рук язык. Ему не верилось... Медь над его головой как-то странно хрипела... Он протянул к ней руки и тихо стал водить пальцем по ней. Она была тёплая, но он уже чувствовал, как она охлаждается под его рукой. Колокол внизу звучал как бы громче с каждой минутой.

Прахов вздрогнул с ног до головы. Он нашёл. Теперь у него не было сомнения – колокол треснул: тонкая щель разорвала его край, и Антип Никитич, крепко сжав его обеими руками, прислонился к нему лбом и замер...

У него болела поясница, в голове шумно гудело эхо звона, и колени его дрожали. Он смотрел на город... В нём бродили какие-то странные, маленькие огоньки; они появлялись отовсюду и всё плыли во тьме по одному направлению – в гору. Это горожане шли к заутрене с фонарями в руках.

Все они, наверное, уже знают, что колокол треснул.

– Наказал ты меня, господи! Жестоко наказал... Сломил гордыню мою, – покорно и тихо сказал Прахов, робкими глазами глядя в тёмное небо, где туча уже погасила все звёзды.

Завтра весь город будет говорить о колоколе, и никто не пожалеет Антипа Никитича Прахова, никто не знает, как больно и невыносимо ему стоять тут на колокольне и чувствовать себя сверженным на землю, разбитым. Он вспомнил слова, которые услышал пять лет тому назад на паперти, когда колокол был ещё только поднят:

– А должен бы этот самый колокол треснуть...

...Долго терпел господь жертву человека, но стала она противна ему, и он отринул её от себя.

Огни, мелькая во тьме, всё выше вползали в гору.

Слышны были звуки людского говора; они рождались и исчезали так быстро, как тени в солнечный, но ветреный день.

– Господи! – молился Антип Никитич, всё ощупывая дрожащими от волнения руками трещину колокола. – Господи! Жестоко возмездие твоё! Зачем ты сегодня, в самый радостный день из всех дней твоих, наказал меня? Или уж я так грешен, как никто на земле? Все будут ликовать воскресению твоему, – меня же ты предал поруганию и смеху. Враги мои насмеются надо мной... ехидно насмеются. Все будут с восходом солнца радостны и веселы, я же, по милости твоей, – убит буду. Царю небесный, утешителю души!.. Остави мне долги мои!.. Разве я грешнее других?..

Вон Елизаров у брата своего родного жену отбил... с дочерью его даже... с племянницей родной... да разве мало грешников на земле? Неужели же только я один достоин быть покаранным в светлый день воскресения твоего?! О господи... разве я по своей воле? Жизнь такая... не я сотворил её, господи, – все мы грешны пред тобою... Прости меня: сердцем каюсь тебе. Как иначе жить мне, коли есть многие, живущие хуже меня, и не наказываешь ты их?

Он стоял, прижавшись к металлу колокола, и бормотал вполголоса иссохшим от волнения языком свои молитвы и жалобы, подавленный вихрем мыслей, воспоминаний, вспыхивавших и угасавших в нём наподобие искр. Он чувствовал себя несправедливо обиженным, не по вине наказанным. В нём билось какое-то сильное слово к богу, но он никак не мог сказать его.

Предутренняя свежесть охватила его разгорячённое тело; он вздрогнул и надел поддёвку, отойдя от колокола... Когда он уходил, то погладил его рукой, как бы жалея гулкую медь. Он сел на верхнюю ступеньку лестницы и, спустив ноги вниз, задумался, глядя вдаль и чувствуя внутри себя щемящий сердце тоскливый холод.

...Снизу кто-то шёл... Вот на повороте лестницы показалась лысая голова Луки. Он чуть не наткнулся на Прахова, остановился, почесал поясницу и равнодушно заговорил:

– А я было... к обедне ударить иду... Как колокол-то? Лопнул, говорят?

– В полиелей ударь... – кратко бросил ему Антип Никитич.

– Это можно... Лопнул, видно, и в самом деле... Оказия-то! Под светло христово воскресенье и – вдруг... Грехи, видно, наши... Не стерпела медь-то...

По мере того как он спускался всё ниже по скрипучим ступеням лестницы, спокойный голос его становился всё слабее и наконец замер. Прахов, когда Лука уходил, смотрел сверху вниз на его лысину и думал, – жалеет его Лука или нет? И, так как лысина блестела металлически холодно, – Прахов заключил, что Луке всё равно и что он ничуть не жалеет его.

– Господи помилуй! – вздохнул он.

В голове его неумолкаемо звучало эхо колокольного звона, и каждый удар имел странное свойство будить прошлое.

Возникали в памяти картины и события, давно уже забытые им. И едкое чувство тоски жгло его сердце, всё усиливаясь и возрастая. Вспоминая прошлую жизнь, он видел в ней много такого, чего бы он мог и не делать и что не отягощало бы теперь его душу. Много было в его жизни излишней жестокости к людям и жадности к деньгам...

...А уже день наступал.

Там, на горизонте, откуда выплыла в небо туча, светилась бледно-розовая полоска света, и тусклые пятна воды на лугах стали светлее, точно пыль лежала на них и

теперь поднялась.

Туча в небе над колокольной разорвалась на пышные тёмные куски, и они медленно расплзались в пространстве, открывая голубые пятна неба со звёздами, уже терявшими свой блеск в предчувствии рассвета...

– Христос воскрес! – чуть донёсся до колокольной возглас священника.

Антип Никитич дрогнул и встал на ноги... Там, внизу, раздался странный гул, похожий на внезапный порыв ветра, налетевший на лес.

Прахов знал, что это прихожане отвечают священнику:

– Воистину воскрес!

Потом в воздухе полились звонкие голоса певчих, и среди них гудел бас, как проволока телеграфа во время зимней вьюги. Всё это долетало до слуха Антипа Никитича слабо и не трогало его сердца... Он стоял без шапки, держась за перила лестницы, и, глядя вдаль, думал: «Господь простит меня... люди не забудут! Не с богом живу, а на земле с людьми... И вот они завтра скажут про меня друг другу: „И медь, скажут, не вынесла грехов Прахова...“ какие они мне судьи? А будут судить... Я же буду слушать их, и будет это мне... господи, боже мой! Неужто ж я и есть самый тяжкий грешник в городе и, кроме меня, некого было тебе наказать в день воскресения твоего?»

Ему представилось, как завтра все горожане с сияющими лицами будут целоваться друг с другом, говоря:

– Христос воскрес!

И отвечая:

– Воистину!

И к нему придут и тоже будут целовать его, и наверное все они, целуя, подумают о нём:

«Что, брат? Пришиб тебя господь-то? В самую светлую заутреню угодил тебя... А ты-то возносился! Ну, вот и свержен ныне – радуйся!»

А иные, быть может, лицемерно пожалеют его... И все поцелуи будут Иудиными...

«Говорил я этому, анафеме, там на заводе – толще лей! „Звон, говорит, не тот будет – нельзя!“ Ну, вот, завтра и будет звон!» – с тоской подумал Прахов, потирая себе грудь...

– О господи, господи! – вздохнул он и закрыл глаза. Он, в сущности, не упал духом, но ему было тошно и больно от волнения самолюбия его, поражённого этим случаем с колоколом. И он хотел бы, чтоб день не наступал. Но уже брызнули лучи солнца и, как огненный веер, распростёрлись в синеве небес. Пятна яркой зелени и м в лугах отразили в себе солнце, на зелень точно пыль золотая упала, и вода заиграла радугой. Огненный край солнца поднимался из-за тучки, и вся она, пышная, как дым, была расцвечена в пурпур и золото. Необъятное пространство заливала река в половодье, и теперь далеко, вплоть до горизонта, по лугам были разбросаны серебряные пятна, точно зеркала разнообразных форм были разбросаны по зелени лугов и отражали в себе голубое небо.

В городской церкви звонили «во все». Лука тоже ударил «во все». Город точно трепетал, весь облитый ярким светом; зелень, окружавшая его, тихо колебалась под дуновением утреннего ветра; казалось, город колеблется, хочет поплыть туда, в широкое, просторное заречье, сплошь залитое солнцем и испещрённое пятнами изумрудной зелени и перламутровой воды.

...Народ выходил из церкви, раздавался смутный говор, и в нём то и дело вспыхивали отдельные восклицания:

– Христос воскрес!

Колокол. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Стиснув зубы, Антип Никитич смотрел вниз с колокольни. Из церкви лилась волна людей и, разбегаясь на отдельные струйки, уходила под гору. Звонкие голоса ребятишек звучали так же весело, как и колокола в умелых руках Луки. Полиелей гудел...

Прахов с тоской прислушался к весёлому шуму, присмотрелся к яркому свету и тихо пошёл вниз по лестнице, чувствуя страстное желание встретить человека, такого же обиженного, как он сам, или самому обидеть кого ни то... Больно обидеть, так, чтоб тот человек тоже не чувствовал праздника.

Лицо Антипа Никитича было сурово, брови нахмурены, губы сжаты, и нос опустился на усы.

Он шагал через две ступеньки сразу и так смотрел своими хищными глазами из-под крутых бровей, – точно на бой выходил.

– Христос воскрес! – всё звучнее неслось навстречу ему...

– Господи! Жестоко! – вздохнув, сказал Прахов, на секунду остановился и тряхнул головой...

А потом так же, как и раньше, твёрдо и уверенно, с боевым видом, пошёл далее.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!